

НАТАЛИЯ ПОЛЯНСКАЯ

НОРМАНДСКАЯ ЛАЗУРЬ

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ГИД **FICTION**

ФРАНЦИЯ »

Наталья Полянская
Нормандская лазурь
Серия «Туристический гид. Fiction»

Текст предоставлен изд-вом "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3261355
Наталья Полянская. Нормандская лазурь: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55503-1

Аннотация

Ольга, Евгений и Никита, решив покататься на арендованной машине по северо-западу Франции, и не подозревали, что их ждут настоящие приключения. Порой опасные, порой смешные. Чего только стоят сельские дороги, путешествуя по которым можно не только любоваться пасторальными пейзажами, но и раскланиваться с упитанными нормандскими коровами.

Нормандия – страна старинных замков, прекрасных пляжей и необыкновенной синевы моря и неба... Здесь вы можете увидеть звезд кино, посетить места высадки союзных войск времен Второй мировой войны и даже поохотиться за настоящим кладом. Вещи собраны? Тогда в путь!

Содержание

1	5
2	11
3	18
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наталия Полянская

Нормандская лазурь

С огромной благодарностью и любовью – Анне, которая помогла мне полюбить Нормандию.

1

*Не покоряйтесь никому, за исключением короля и кардинала.
Лишь мужеством – вы слышите, только лишь мужеством! – дворянин
в наши дни может пробить себе путь. Кто дрогнет хоть на мгновение,
возможно, упустит случай, что именно в этот миг предоставляла ему
фортуна.*

А. Дюма¹

Посреди дороги стояла корова.

– Ну, и что теперь делать? – спросил с заднего сиденья Женька. – Посигналь ей.

Никита посигналил. Животное даже не повернуло головы. Это была прекрасная нормандская корова, со светлой шкурой в желтоватых подпалинах, покрытой большими темно-шоколадными пятнами. На мохнатом ухе имелась желтая бирка с непонятными мелкими буквами и крупно написанным номером: «5023». Корова лениво помахивала хвостом и иногда делала движение челюстью, что символизировало глубокий дзен и пофигизм по отношению ко всему окружающему миру.

– Давай ее объедем, – предложила Ольга.

– С какой стороны? По двойной сплошной? И потом ходить, умолять выдать мне шенгенскую визу – простите, пожалуйста, я нарушил правила из-за коровы?

Все синхронно посмотрели сначала на двойную сплошную, затем на обочину, за которой начиналась поросшая ромашками канава. Отличное место, чтобы нарвать полевых цветов, но для объезда – не вариант. Джип, конечно, ее преодолел бы, а вот «Фольксваген Пассат»...

– Ну и что ты предлагаешь? – буркнул Женька.

– Покурить. – Никита опустил боковое стекло, вытащил из нагрудного кармана рубашки пачку «Данхилла», зажег и задымил. Корова стояла.

– А может, выйти и ее прогнать? – немного неуверенно предложила Ольга.

Никита пожал плечами.

– Иди.

– Ага, сейчас. – Ольга поглубже закопалась в ворох карт. – Кто тут мужчина?

– Вопрос неправильно поставлен. Кто тут настолько сумасшедший, чтобы пытаться вручную сдвинуть с места эту Зорьку?

– Слушай, Ник, ну хватит уже, – поморщился Женя, разгоняя рукой табачный дым, который, несмотря на открытое окно, все же лез в салон. Женька не курил и не любил находиться рядом с теми, кто это делает. – Понятно, что на дорогу к ней никто не попрется. А если ее подруги нами заинтересуются?

На поле, откуда, несомненно, и прибыла корова 5023, паслись ее товарки – пятнистые, палевые, светло-бежевые, словом, очень красивые буренки, если не подходить к ним близко. Вообще-то поле было огорожено столбами с натянутой между ними колючей проволокой, но в одном месте она оказалась порвана. Корова это сделала или нет – неизвестно, на самом жвачном следов форсирования забора не наблюдалось. Остальное стадо интереса к выходу за пределы пастбища не показывало.

– Трусов родила наша планета! – пафосно провозгласила Ольга, из чего можно было заключить, что это цитата.

– Слушай, я коров только на картинках обычно вижу, – беззаботно откликнулся Никита.

¹ Здесь и далее цитаты из романа А. Дюма «Три мушкетера» в переводе Анны Анкетиль.

- Или на прилавке, – поддержал его Женька. – А тут, понимаешь... рога и копыта.
- Она такая ми-иленькая, – протянула Ольга. – Смотрите, какие глазки.
- Ага, – сказал Женька, – подозрительные.

Никита щелчком отправил окурочок в полет и снова просигналил. Корова не реагировала.

- Ну и что, мы так и будем тут стоять?

– Оль, я ее давить не стану. За это наверняка полагается штраф. Не считая того, что мы не в той весовой категории и тушу переехать не сможем.

- Во, смотри, еще одна идет, – сказал Женя. – Эта безрогая.

Корова номер 8945, еще более пятнистая, чем 5023, подошла поближе к забору и установилась на машину. Колорита сцене добавлял прилепленный тут же на проволоку рекламный плакат с изображенным на нем бесшабашным мотоциклистом и надписью «Moto Cross: Millieres, СНРТ. De Normandie». Мотоциклист изгибался в немыслимом прыжке, корова 8945 потряхивала ушами.

- Ник, ну, может, черт с ней, с двойной сплошной?
- Оль, Шенген. Три злостных нарушения – и гуляйте, товарищ Малиновский.
- А ты уже набрал?
- Одно. В прошлом году, в Испании. Превысил.
- Местный едет, – сообщил Женька, который все замечал.

По встречной рулил раздолбанный французский аналог «уазика», перемещавшийся с достойной скоростью где-то около сорока километров в час. Проехав мимо коровы и застрявшего перед ней «Пассата», облезя машинка отрулила еще метров пятьдесят, а потом притормозила и сдала назад. Женька опустил стекло со своей стороны и, когда «уазик», оказавшийся на самом деле «Ситроеном», поравнялся с ними, поздоровался.

- Проблемы? – спросил водитель, мужик лет сорока пяти в лихой кепке набекрень.
- Да. – Женька трагическим жестом указал на корову.

Француз засмеялся, сдал еще назад, вылез и, нимало не смущаясь, в буквальном смысле взял быка за рога – то есть ухватил корову за равнодушную башку и повернул вбок, а потом еще и пинка дал. 5023-я лениво развернулась; француз шлепнул ее по бежевому задку, придавая ускорение. Корова повздыхала и убрела в ромашки.

- Allez-y! Allez-y!² – замахал добрый самаритянин.

Никита тронул с места и гаркнул в окошко:

- Спасибо!

Француз, смеясь, добавил:

– Muus vaot eune crache sus la banette qu'eune vaque juqui sus l'fait!³ – и пошел обратно к своей машине.

- Что он сказал? – спросила Ольга.

– Пожелал нам счастливого пути, – неуверенно объяснил Женя. Честно говоря, во Франции он не понимал и половины из того, что ему говорили, а ведь в институте был лучшим на курсе. Языковая практика с той поры подзабылась, а реальность оказалась сильно расцвеченной диалектами.

– О, свобода, свобода! – пропела Ольга. – Мальчики, тут на карте деревня через пять километров. Давайте притормозим у магазинчика, а? Кушать хочется.

- По-моему, ты преуменьшила масштабы бедствия, – вздохнул Женька. – Охота жрать.

– Троглодиты, – сказал Никита беззлобно. – Неандертальцы. Думаете желудком. А как же духовная пища?

- Не вариант, – хором отозвались Ольга и Женя и захохотали.

² Проезжайте! Проезжайте! (фр.)

³ Лучше пятно на телеге, чем корова на крыше (фр., нормандский патуа).

Было еще довольно рано; самолет приземлился в Париже около шести часов утра, однако разница во времени с Москвой сделала свое – для разнообразия, не черное – дело. Несмотря на ночной перелет, трое путешественников чувствовали себя бодро, и для полного счастья не хватало лишь хорошего плотного завтрака, желательно с омлетом, кофе и еще чем-нибудь вдохновляющим.

Однако французы вовсе не считали, что если рано встать, то Бог тут же подаст. Часы показывали девять, а работали лишь магазинчики при заправках, где продавалась минеральная вода, шоколадки и сэндвичи в вакуумных упаковках – пища, разумеется, питательная и всем хорошая, только не несущая в себе прелести иноземного колорита. Никита жаждал приобщения к культуре и потому притормаживать на заправках отказывался, благо из Парижа выехали с полным баком. А так как именно Малиновский сидел за рулем, его слово было решающим.

– Я согласна уже и на сэндвич, – вздохнула Ольга.

– А я нет. Хочу полноценный завтрак, желательно с видом на реку.

– И чтобы у порога не стоял рыжий человек, а еще была жимолость, – пробормотал Женя.

– Понятия не имею, как выглядит жимолость, – беспечно откликнулся Ник, обгоняя неспешно ползущий «ниссанчик» с местными номерами. – По мне, так и розочки сойдут.

Они проехали уже две деревни, являвшие собою классический образец сонного царства. Наконец в городке, куда Ольга заставила свернуть Никиту, оказалась открытая bageterie, и машина остановилась перед ее гостеприимно распахнутой дверью. Ольга выбралась из автомобиля, вдохнула теплый воздух, напоенный ароматами не только розочек, в изобилии цветущих на аккуратных клумбах, но и свежего хлеба. Пахло на всю улицу, и в этом запахе было что-то такое, такое... путешественное, да.

– Вот! Именно то, что нужно!

– Если у них нет омлета, не останемся, – сказал Ник.

– Ну уж нет. – Женька ощутимо хлопнул дверцей машины. – Пока не поем, никуда не поеду.

– И отправишься до Кана пешком, – пригрозил ему Никита.

– А я вообще в Кан не хочу. Сдались мне твои монументы с музеями. Я в Довиль пойду, это недалеко, я указатель видел.

– Ой, да, давайте заедем в Довиль! – Ольга переступила порог магазинчика и сняла солнечные очки, так как внутри было полутемно, зато умопомрачительно пахло – и возникло желание непременно отыскать это пахнущее и заполучить его. Мужчины двинулись за ней.

Женька вступил в переговоры с крепким, как боровик, румяным старичком, стоявшим за прилавком, и в итоге пришел к неизбежному выводу: проще всего не объяснять, что нужно, а ткнуть пальцем в то, что нравится. К процессу подключились Ольга, желавшая «вон ту булочку», и Никита, с неудовольствием выяснивший, что кафе при bageterie отсутствует.

– И где мой омлет?

– Ник, ну давай омлет попозже, – попросила его Ольга, наблюдая, как продавец разливает кофе по бумажным стаканчикам. – Ну правда. Сейчас возьмем кофе и поедем в Довиль, там сядем на бережку, позавтракаем...

– Нет уж. Сначала завтракаем в Руане. А пока пьем кофе в машине. Все, давайте, поехали.

Они расплатились (Ольга порадовалась, что взяла наличные – у мужчин были только карточки, а их старичок-боровичок не принимал) и загрузились обратно. Машина тут же

пропахла кофе, багетами и булочками, на диету стало наплевать (диета и отпуск – понятия несовместимые), и Ольга с урчанием впилась зубами в теплый багетов бок.

– Нравится? – спросил Никита зачем-то. Ольга истово закивала, не в силах оторваться от еды. – Как же ты оголодала, бедненькая. – Он протянул руку, потрепал ее по волосам, и Ольга дернулась, едва не расплескав кофе. – Ладно, штурман потерян, но до Руана я как-нибудь доеду без тебя.

– Обратно рули, – велела Ольга, прожевав свежий хлеб и запив его плотком обжигающего кофе – не растворимого, из кофеварки, вот какой сервис! – Вон по той улочке.

– Штурман снова в строю! – Никита, видимо, отыгрывался за отсутствие омлета. Женька на заднем сиденье расположился как король и шуршал бумагой, разворачивая купленное. – Ладно, сейчас с ветерком помчимся.

Они возвратились на шоссе A13 и повернули по указателям на Руан. Городок с его фахверковыми⁴ домами и аккуратной мэрией остался позади, и Ольга, жуя багет, вдруг подумала, что никогда больше этот городок не увидит. Ни мэрию, ни продавца багетов, ни фонтан на площади. Наверное, в этом и прелесть – в мимолетности. Тем более что дальше маячила одна лишь основательность.

Они ехали в Нормандию смотреть пляжи, на которых в июне 1944 года высадились союзные войска, – событие довольно известное и освещенное в ряде литературных и кинематографических произведений, из которых Ольга помнила только фильм с Томом Хэнксом. Она сама готова была любоваться видами, история высадки ее не особо занимала – зато весьма занимала Никиту, а так как придумал все это путешествие именно он, то историческая часть, где упор делался на Вторую мировую, шла в первую очередь.

Если уж совсем честно, Ольгу сманил Женька. С Женькой Ильясовым она постоянно поддерживала отношения еще со школьных времен, и в отличие от Никиты, который не давал о себе знать довольно долгое время, Женька звонить не забывал. Причем не только на дни рождения и Новый год, как у вежливых людей принято. Поэтому, когда с месяц назад Ильясов позвонил в середине рабочего дня, – Ольга скучала над технической документацией, которую следовало перевести с немецкого на нормальный не позже чем завтра, и настроение по этому поводу было паршивое, – сначала показалось, будто он снова пригласит выпить кофе и поболтать по душам. Но Женька с ходу брякнул:

– Оль, у тебя Шенген есть?

– Ну есть, – ответила она несколько настороженно.

– Многоразовый?

– Да. Мне испанцы дали.

– Слушай, поехали во Францию.

Ольга опешила.

– Ильясов, – сказала она, постукивая карандашом по распечаткам зевотно-скучной документации, – если ты решил пригласить меня в Париж и там предложить руку и сердце, так я тебе сразу говорю «нет».

– Нужна мне твоя рука и сердце, – фыркнул Женька.

– А что нужно?

– Голова.

– Голова профессора Доуэля, – прокомментировала Ольга. – Ты меня заспиртуешь и выставишь в Лувре? Или там подобную гадость не выставляют?

⁴ *Фахверк* (нем. – ферма) – разновидность строительной конструкции, состоящей из несущих балок, соединенных под разными углами.

– Мне твоя голова нужна, потому что ты будешь штурманом, – торжественно объявил Женька. – Ну, Оль, выручай. У меня топографический кретинизм, и меня Никита убьет, если мы вдруг вместо Нормандии окажемся где-то под Лионом.

– Так, – сказала Ольга и бросила карандаш, – а Малиновский-то тут при чем?

– Он все это затевает. Ты же знаешь, как он любит свои танки и самолетики.

Ольга знала.

Когда они все подружились в школе (такую банду было еще поискать, и с виду тихий и щуплый Женька Ильясов считался чуть ли не самым отпетым хулиганом), уже тогда Никита увлекался историей Второй мировой войны. Его отец, преподаватель истории в МГУ, поощрял увлечения сына, и какое-то время Ольга думала, что Никита тоже пойдет по учительской стезе. Однако случилось по-другому: сейчас Малиновский «руководил проектами», что бы это ни означало, в большой компьютерной фирме, а историю оставил для души. Но сколько Ольга его знала, столько он носился с книжками, на обложках которых имелись либо танки, либо колючая проволока, либо героические солдаты в касках, либо щуплые пионеры, – и сыпал малопонятными подробностями. А в начале июня у Никиты выдался отпуск, и Малиновского потянуло на места боевой славы, причем не родные, российские, коих хоть отбавляй, а на иностранные. В частности, его целью стало посещение цепочки нормандских пляжей, где 6 июня 1944 года высадился знаменитый десант.

– Я с ним поеду, – объяснял Женька, – я в Нормандии еще не бывал, и Ник лучше меня водит.

– Мальчики, а зачем вам я? – поинтересовалась Ольга. – И ехали бы вдвоем – пить коньяк, кадрить девушек...

– Так я объясняю, – потерял терпение Женька, – нам нужен штурман! Я в этом деле дуб, указатели вижу уже после того, как мы от них отъехали, и вообще... Я Нику сказал – давай Шульц позовем! – и он говорит: «Как я сам не додумался?» Оль, тебе что, отпуск не дадут?

Ольга молчала: отпуск давали без проблем, так как она была лучшим переводчиком в конторе и половину недели вообще работала на дому. Но имелась масса других причин, по которым следовало бы отказаться.

– Или вы с Никитой совсем не общаетесь? – спросил Женька. – Он вроде говорил, что тебе звонит...

– Он звонит, – сказала Ольга. – Хорошо, Жень... я подумаю.

– Только недолго, ладно? Малиновский где-то билеты может достать по дешевке, в «Аэрофлоте», что ли, у него знакомые... Тянуть не следует.

– Ой, Женя, не дави на меня.

– Ой, Оля, – ответил он ей в тон, – мир без границ для тебя, а ты ломаешься. – И положил трубку.

Он был прав, и в глубине души Ольга сразу знала, что согласится. Но поломаться для виду следовало – какая женщина не любит, чтобы ее уговаривали?!

Старые друзья уговаривать не стали. Старые друзья назначили встречу, усадили Ольгу за столик, налили ей шампанского и сказали:

– Ты едешь.

Она и поехала.

Сейчас, дожевывая кусок мягкого хлеба, на вкус сильно отличающегося от того, что продают в московских супермаркетах и даже в святых местах вроде ларечков на углу, Ольга понимала: решение она приняла правильное. Вот она едет, и ничего страшного не случилось. Ничего из того, что она себе нафантазировала. Нет ни напряжения, которого она опасалась, ни скрытой враждебности, ни ненужных воспоминаний, ни неловкости; а есть – легкий раз-

говор, впереди – Руан со своим знаменитым собором, гладкое шоссе, ромашки и маки на обочинах и теплое июньское солнышко.

– Так что, в Довиль заедем? – спросил Женька. – Я бы там поснимал. Нам под статью.

Ильясов работал фотокорреспондентом в богато иллюстрированном журнале, периодически печатавшем что-то о путешествиях, и Женькины отпуска обычно совпадали с командировками.

– Заедем, – лениво откликнулся Никита. – Только сначала позавтракаем. Нельзя на голодный желудок смотреть на красивую жизнь.

– А Руанский собор? – жалобно спросила Ольга. – Там так свет красиво падает...

– Выбирай – или Довиль, или собор.

Ольга повздыхала, затем решила:

– Довиль. Но можно и собор тоже.

– Разговорчики в строю!

Никита, в общем, был в своем праве: он с самого начала предупредил, что упор в этой поездке будет сделан на объекты, относящиеся ко Второй мировой, а остальное – исключительно в качестве довеска. Впрочем, неволить своих спутников Малиновский не собирался, истинные любители истории способны наслаждаться ею в одиночестве. Ольга пошарила по Интернету и составила отдельный список, для себя и Женьки, если надоест созерцание старых фашистских батарей, давно облагороженных пляжей и музейных ценностей. Конечно, кое-что пришлось с сожалением отложить «как-нибудь на другой раз» – музей Моне в Жирвени или вот осмотр собора в Руане, но лучше уж так, чем чувствовать, как за спиной мрачно маячит Ник, которому не терпится добраться в свой «Мемориал».

2

– О нет, нет, и я надеюсь доказать вам, что могу быть благодарной! Но что было нужно от меня этим людям, которых я приняла сначала за воров, и почему здесь нет господина Буонасье?

– Эти люди, сударыня, были во много раз опаснее воров. Это люди господина кардинала.

Руан оказался безлюден и тих, что можно было списать только на редкую удачливость путешественников. Вообще-то в первые дни июня народу тут должна быть прорва, объяснил Никита, заруливая на стоянку у открытого уличного кафе. Наверное, все понаехавшие пока еще спят.

– Завтра налюбуюсь, – оптимистично сказал Женька, вылезая из машины и расчехляя фотоаппарат. – Так, ребят, вы ешьте, а я пройдусь тут немного...

– Эй! Куда! А заказать? – возмутилась Ольга. У нее был прекрасный английский и немецкий, а по-французски она понимала всего пару слов.

– А в меню ткнуть? – откликнулся Женья.

– Ильясов! Не бросай нас на произвол судьбы!

Женья нетерпеливо вздохнул, дождался, пока подойдет официантка, перевел немногочисленные пункты в меню и заказал Никите завтрак, а Ольге – кофе и круассан, после чего ушел, пообещав вернуться минут через пятнадцать.

– На что спорим – собор побежал фотографировать, – с завистью сказала Ольга, прожоя его взглядом. Кончик шпиля соборной колокольни торчал из-за ближайших крыш.

– Ну, хочешь, иди с ним, – предложил Никита.

– Не-а. – Ольга поудобнее устроилась на пластиковом стуле и вытянула ноги. – Я не люблю вот так, бегом. Особенно соборы. В них своя атмосфера, и ее не почувствуешь, если нестись галопом. А если не почувствуешь – то зачем?

– А! То есть ты не из тех сумасшедших туристов, которым лишь бы сфотографироваться рядом с достопримечательностью, и неважно, видели они ее толком или нет?

– Сударь, вы имеете намерение меня оскорбить? – высокомерно осведомилась Ольга.

– Я пошутил. – Никита сдвинул очки на лоб. – А ты почти не изменилась.

– А ты изменился, – сказала Ольга и ничуть не соврала.

Она помнила Ника другим – более худым, более злым, более резким. Сейчас он – нет, не растолстел, просто в плечах раздался (в тренажерном зале, наверное, занимается), и выражение лица сделалось немного иным. Теперь он напоминал помесь растиражированного адвоката Павла Астахова и писателя Ричарда Касла из популярного полицейского сериала: широкая улыбка, вечно взъерошенные темные волосы, взгляд с прищуром и море обаяния. Это обаяние чувствовалось физически, даже когда Никита молчал и не смотрел на Ольгу – а ей все равно казалось, что он с ней говорит и смотрит.

– Я теперь деловой человек, – усмехнулся Малиновский. – Наверное, изменился.

– Дресс-код, длинноногая секретарша?..

– И это тоже. – Ник скривился. – Но ты же знаешь, я люблю непринужденность.

– Ты начальник. Можешь хоть в костюме Бэтмена приходить на работу, никто тебе слова не скажет.

– Надо мной еще начальники, Оль. И чтобы они мне платили, я должен выглядеть... и пахать.

– Полюбил деньги?

– Полюбил свободу, которую они дают, – серьезно ответил Никита. – Это раньше было просто – автостопом в Тулу, по грибы в Подмосковье, все выходные дергаем сорняки на даче... Теперь хочется уже другого. Квартиру в Москве, например.

– Квартирный вопрос только испортил их, – процитировала Ольга. Она любила читать, помнила множество цитат из различных книжек и фильмов и применяла их от случая к случаю. – Купил?

– Хочу купить. Еще годик-другой – и куплю. В новостройке.

– Большую?

– Чтобы на семью хватило.

Ольга помолчала, потом непринужденным тоном поинтересовалась:

– Собираешься жениться?

– Родители намекают, что пора. – Никита подождал, пока официантка поставит перед ним здоровенную тарелку, на которой исходил паром омлет с овощами, а перед Ольгой – кофейник и круассан на изящной расписной тарелочке. – Да и я задумываюсь.

– Встречаешься с кем-нибудь?

– Хороший омлет, – сказал Никита, намеренно проигнорировав вопрос, и переспрашивать Ольга не стала.

Она отвернулась, разглядывая противоположную сторону улицы – магазинчик с чашками и чайниками на витрине; крохотный рынок, где продавец как раз выставляя ящики с фруктами и овощами, двигая их туда-сюда, видимо, добываясь соответствия по фэн-шую; кафе конкурента с надписью над входом «Le restaurant des patisseries». В кафе сидели две девушки-японки в белых маечках, коротких юбочках и кроссовках и непринужденно щебетали. Ольга смотрела на написанный мелом ценник над помидорами за два с половиной евро, в пятый раз перечитывая, что сорт называется «Prince de Bretagne», и думала, что Никита прав.

Не ее это дело.

Когда перед поездкой они встречались – Ольга, Женька и Ник – и расчерчивали план, сильно напоминавший план достопамятного десантирования, и договаривались о том, где сидеть и как ехать, – о личных делах речи не шло. Конечно, Ольга спросила, как поживают Никитины родители, а он поинтересовался, как там ее мама. Светский раут, блин, да еще с шампанским.

Оказывается, ничего не изменилось. Зря она думала, что нет напряжения и отголосков одной давней истории тоже нет. Ольга просто не желала видеть, решила, будто все по-старому. А все по-новому. Как в том анекдоте – гулять гуляй, а за территорию не выходи.

Ну и подумаешь.

Женька вернулся ровно через пятнадцать минут, как обещал; к этому времени Никита успел заглотить свой омлет, а Ольга – дощипать круассан, все погрузились в машину и двинулись к Довиллю. С А13 свернули на А123, и дорога побежала к морю, что наконец исправило чуть подпортившееся Ольгино настроение.

– Видно отличие от Пикардии, – сказал Женька с заднего сиденья. – Там домики другие.

Действительно, краснокирпичные пикардийские домики, мелькавшие за окнами рано утром, сменились нормандскими, многие из которых были отделаны под фахверк.

– А в Москве дождик, – с удовольствием протянула Ольга. – И холодно.

– Нет ничего лучше в путешествии, чем зависть тех, кто остался дома, – хмыкнул Никита.

– Вот сейчас приедем на курорт, и я окончательно уверюсь в том, что жизнь удалась.

– Оль, у нас на курорт не больше часа. Туда еще ехать почти сто километров, и это крюк...

– А я помню, – сказала Ольга, – Ник, перестань. Успеем мы в твой музей.

– Это вы успеете. А я могу не успеть. У меня на него один день.

– Я же говорила, что он будет ворчать, – сказала Ольга Женьке. Тот неопределенно хмыкнул: отсматривал сделанные в Руане кадры на маленьком экранчике камеры и потому плохо контактировал с окружающим миром. – Жень, в соборе был?

– Не-а, там закрыто... Рано еще.

Довиль, курортный город, до которого добрались по пустынным дорогам спустя час, купался в солнечных лучах и при выгодном освещении был похож на несбыточную мечту человека, всю жизнь проведенного в коммуналке. По сторонам улицы стояли роскошные виллы, многие из них – позапрошлого века, построенные, когда в Довиль впервые ринулась парижская знать, уставшая от прелестей большого города. Тогда здесь и основали модный курорт, остававшийся таковым на протяжении полутора веков.

Машину поставили на платной стоянке недалеко от набережной и отправились бродить – Женька со своей устрашающей камерой наперевес, а Никита и Ольга налегке, засунув руки в карманы.

– Чтоб я так жил, – сказал Малиновский, оглядываясь. Даже на него, торопившегося припасть к военным ценностям, непринужденная роскошь Довиля произвела впечатление.

– Это тебе не квартира в новостройке, да? – поддела его Ольга.

– Одно другому не мешает. Я бы не отказался от дачки в здешних широтах.

– А твои родители развели бы здесь картошку.

– Если бы у меня имелись деньги, чтобы купить здесь дачку, мои родители могли бы на заднем дворе разводить что угодно.

Впрочем, сложно было представить, что на заднем дворе любого из этих роскошных домов кто-то любовно пестует на грядках укроп и огурцы. Здешние дачки, как легкомысленно обозвал их Никита, несмотря на то что именно дачками по сути и являлись, не имели ничего общего с любимыми русскому сердцу халупами на участке в шесть соток. За ажурными заборами простирались тщательно подстриженные газоны, с балконов свешивались аккуратные цветочные гирлянды, кое-где во дворах имелись бассейны, сверкавшие ослепительной бирюзой, а на подъездных дорожках стояли машины, дорогие даже на вид. Ольга в марках автомобилей разбиралась слабо, но и дураку понятно, что вот это серебристое, с хищно вытянутым благородным капотом, стоит больше, чем три традиционных подмосковных участка, вместе взятые.

– Люблю красивую жизнь, – вздохнула Ольга. – Представляете, купить здесь домик? Ходить на ипподром, делать ставки на скачках, прогуливаться по набережной, загорать в полосатом шезлонге... А когда на Каннский кинофестиваль приезжает Вуди Аллен, строить ему глазки.

– У тебя есть дядюшка-миллионер, который смертельно болен и хочет оставить тебе свое состояние? – улыбнулся Никита.

– А вдруг?

– Без дяди-миллионера тут не справиться.

Они прошлись по набережной, где деревянные доски настила пружинили под ногами, и Ольга полюбовалась на море, сизо-синее, все в белых барашках, и на широкую полосу желтого песка, по которому прогуливались жирные чайки размером с пуделя. Никита все демонстративнее поглядывал на часы, и пришлось возвращаться к машине. Но шли медленно, еле перебирая ногами, и перед одной из вилл Ольга не выдержала и остановилась.

Вилла была – как мечта. Белые стены. Мраморные вазоны. Порттик – наверное, это называется портиком, Ольга точно не помнила, – но изукрашен он был, как Москва под Новый год. Лужайки, которые будто годами причесывала армия садовников. От этого веяло

– нет, не столько богатством, сколько умиротворением и благосостоянием. Благосостояние – это ведь пребывание во благе, верно? Чувствовалось, что людям, обитающим здесь, жить хорошо. Просто, красиво и понятно, не то что мадемуазель Шульц из далекой России.

– Ну что, – серьезно и громко сказала Ольга, заявляя о своем намерении миру, – покупаем?

– А не маловат? – откликнулся Женька в том же тоне.

– Да вроде нормальный. Все, кто нужен, влезут.

– Я бы лучше взял вроде того, что дальше по улице. – Женька махнул рукой. – Чтобы и пространства кругом побольше...

– Хватит уже, – недовольно произнес Никита. Он с каждой минутой становился все мрачнее и неприятнее. То ли ему не нравилось, что друзья громко разговаривают, то ли музей манил невыносимо.

– Ну и подумай, – фыркнула Ольга и решительным шагом двинулась прочь от приглянувшейся виллы, не дожидаясь, пока догонят мужчины. Те догонять не стали, пошли сзади, вполголоса разговаривая о своем.

Тут оно и случилось.

Ольга шла по краю тротуара, помахивая сумочкой, захваченной с собой в расчете на покупку сувениров. Сувениры в такую рань не сыскались, а потому сумочка пригодилась исключительно для беспечного размахивания. И когда неизвестный тип попытался на бегу эту сумочку у Ольги отобрать, спасла только мгновенная реакция: если воруют, держи крепко.

Ольга взвизгнула и вцепилась в крепкие ремни так, что они затрещали, однако выдержали. Тип, видимо, прекрасно оценивал диспозицию, а потому, заслышав позади тяжелый мужской топот, не повторил попытку отобрать чужое имущество и дал деру – только пятки засверкали. Ольга прижала к себе спасенную сумку, словно котенка.

Когда подбежали Женька и Никита, вора и след простыл.

– Ты как? – задал извечный мужской вопрос Ильясов. Мужики задают его даже тогда, когда ты лежишь на бронетранспортере кишками наружу и готовишься отдать жизнь за президента и родину. Ольга в кино видела.

– Нормально. – Она не слишком испугалась, просто противно стало. – Главное, сумка цела. Наличных там немного, а вот паспорт и карточки...

– Что полагается делать в таких случаях во французской глубинке? – спросил Никита у Женьки. – Идти в полицию?

– Имеет смысл, если Ольга запомнила напавшего. Ты запомнила, Оль?

– Да мелкий он, подросток, наверное, – вздохнула она, понимая, что толку от нее в полиции будет мало. – Я и разглядеть-то не успела, только кепку, очки темные, и куртка у него самая обычная, и джинсы...

– Отличные приметы, – саркастически заметил Никита, – преступника поймают в считанные минуты!

– Слушай, что ты такой противный? – обиделась Ольга. Сейчас Малиновский ее раздражал. – Меня практически жизни лишили у вас на глазах, а ты...

– Не лишили же, – резонно заметил Никита. – И не жизнь ему твоя нужна была, а имущество. Все на месте? Тогда поехали. Вряд ли полиция станет с этим возиться.

– А если бы я его запомнила? – запальчиво возразила Ольга. Ответил ей Женька:

– Тогда имело бы смысл. Ты бы описала преступника, и местные полицейские стали бы его искать. Но по кепке и джинсам не получится... извини.

– Да не больно-то и надо.

– Идем уже, – сказал Никита.

И они пошли.

Устроившись на своем штурманском месте, Ольга зашуршала картой и распечатками.

– Может, навигатор включить? – спросил Женька. Он, по всей видимости, старался сгладить последствия неприятного происшествия и Никитину грубость.

– Ненавижу буржуйскую технику, – буркнула Ольга. – Так доедем. Ник, вырубивай обратно, вон туда.

Она действительно не любила навигаторы, даже самые навороченные, и могла проложить маршрут хоть по пачке «Беломора», лишь бы не полагаться на механические мозги. Все навигаторы, с которыми Ольгу сводила судьба, отвечали взаимной нелюбовью и норовили то увести ее в чащобу через поля, то показывали старые, давно утраченные маршруты, то противным голосом ругались в самый неподходящий момент. Старая добрая автомобильная карта, распечатки с сайта «Мишелин» – и вуаля, маршрут готов. К тому же не зря Женька так уговаривал Ольгу поехать: она обладала врожденным чувством направления, и даже если бы случилось ночью заплутать в полях, безошибочно вывела бы потерявшихся туристов на трассу.

– Сначала в отель заселимся или едем в музей? – спросил Женя, когда уже подъезжали к Кану.

Ольга уткнулась в помятые листочки.

– Никита, ликуй. Заселение только с пяти вечера, а сейчас начало двенадцатого. Минимум пять часов будем бродить по историческим местам.

– Больше. «Мемориал» закрывается в семь. – Как работают нужные ему объекты, Ник выучил наизусть.

Ольга промолчала, однако не чувствовала особой уверенности, что сможет семь с лишним часов бродить по огромному музею и не устать при этом. К тому же фанат военной истории тут один – Никита. И хотя всегда полезно узнать что-то новое, но всему новому есть предел.

Пропустить съезд нельзя было при всем желании: везде стояли указатели, и потому через некоторое время Никита остановил машину на обширной автостоянке рядом с музеем. «Мемориал» выглядел внушительно: здоровенное серое здание, рядом развеваются флаги разных стран, нежно-зеленые газоны уходят вдаль... Едва выйдя из машины, Ольга почувствовала плотный ветер с моря и улыбнулась.

– Здесь все-таки совсем иначе пахнет, правда?

– Идем. – Не интересующийся такими глупостями Никита нетерпеливо постукивал ключами о ладонь, ожидая, пока Женя вытащит из багажника свой рюкзак.

– Спокойно, битва давно закончилась, а экспонаты от тебя не убегут, – безмятежно отвечал Ильясов. Но на Никиту сарказм уже не действовал: оказавшись в непосредственной близости от вождленного музея, Малиновский начисто растерял чувство юмора и был одержим единственным желанием: добраться до экспозиции.

Они и добрались.

Ольга и Женя, до той поры весело перебрасывавшиеся шутками, притихли. Здесь царил особенная тишина, в которой не чувствовалось безмятежности. Посетителей, несмотря на то что на календаре было пятое июня, в «Мемориале» оказалось немного; а может, они просто рассредоточились по обширной территории.

Ольга опасалась, что Никита будет непрерывно объяснять что-то, сыпать датами и именами, однако Малиновский не произносил ни слова. Он переходил от экспоната к экспонату, от витрины к витрине, и губы его были плотно сжаты. И через некоторое время Ольге подумалось, что она чувствует то же, что и он: отголоски давнего ужаса войны.

Конечно, и сейчас на земле стреляют, в горячих точках непрерывно кого-то убивают, уровень преступности высокий, и у великих держав есть заветные чемоданчики с кнопками,

нажатие которых приведет к атомной войне, но... Но та война, Мировая, с окончания которой прошло уже больше шестидесяти лет, – та война все равно кажется страшной. И хотя ее непосредственных свидетелей осталось совсем мало, похоже, та война въелась в генетическую память.

Иначе чем объяснить, что при виде улыбающихся солдатских лиц, при виде марширующих фашистов и свастики продирает дрожь? Как объяснить, что даже самые простые и вроде бы не страшные фильмы о войне до сих пор смотрятся так, будто стоишь на краю колодца и должна туда прыгнуть? Недавно по телевизору показывали «В бой идут одни «старики» – и вроде бы нет там ничего из тех штучек, которыми режиссеры и мастера по спецэффектам пугают впечатлительную публику. Никто никого не жует с чавканьем, призраки не протягивают холодные руки, континенты не уходят под воду. Даже масштабных боев, в сущности, нет. Просто... кто-то не вернулся. «Махнул не глядя». Песня про смуглянку. Ольга редела в три ручья, но оторваться не могла, хотя было жутко.

Жутко оттого, что люди могут такое делать с другими людьми. Оттого, что безвременная смерть становится привычным фактом, а жизнь – просто средством, позволяющим тебе драться за себя и других. Оттого, что на войну идут практически дети, еще не успевшие узнать, как огромен и прекрасен мир. Иногда им достается капелька любви, пронзительно-острой и словно бы нереальной на фоне смерти; а иногда не достается.

И после окончания Второй мировой случалось немало жути – и война во Вьетнаме, и различные конфликты в Африке и странах третьего мира, и вечные взрывы в Израиле, и многое, многое другое, – но ни теракт 11 сентября, ни взрывы в московском метро, ни недавнее цунами в Японии не потрясали Ольгу так, как отголоски Второй мировой войны. Когда рушились небоскребы, Ольга сидела перед телевизором, прижав ладони к губам; когда сообщали о терактах, хотелось матом ругать проклятых смертников; когда широкая волна двигалась на японский берег и это транслировали по всем каналам и показывали в Интернете, офис не работал и очень жалел японцев, но никто не рыдал, даже самые впечатлительные; а сейчас, глядя на фотографии, старые сумки и винтовки, Ольга чувствовала, как комок подкатывает к горлу.

И какая разница, что русских солдат здесь, на Западном фронте, не было? Какая, к черту, разница? Ольга переводила взгляд с одной фотографии на другую – противотанковые заграждения, которые заливают приливные волны, плоскодонные десантные суда, минные поля, вбитые в песок бревна и рельсы, проволочные заграждения, хищные дула пулеметов... Подробные описания высадки, списки солдат и техники, ржавчина на касках и котелках... Ольга остановилась рядом с Никитой, молча разглядывавшим какие-то бледно исписанные листочки, и взяла его ладонями за локоть. Малиновский повернулся к ней и шепотом спросил:

– Ты чего?

– Страшно, – созналась Ольга.

– Конечно, страшно, – спокойно согласился Ник. – Это же война.

– И тебе страшно?

– И мне.

– Ты поэтому сюда приехал?

– Я приехал сюда потому, что забывать не следует. – Он указал на деревянную табличку, украшенную грубо нарисованным черепом со скрещенными костями и надписью «Minen». – Этих гадов передавали. Но не факт, что не найдутся еще такие.

– Не накаркай, – буркнула Ольга и убрала руки за спину. Почему-то вспомнился утренний эпизод в Довиле и тип, пытавшийся украсть сумочку. Хотя масштабы, конечно, несопоставимы.

Никита пожал плечами и двинулся к следующему экспонату.

Часа через три, несмотря на потрясение темой и действительно превосходную экспозицию музея, Ольга почувствовала, что внимание притупляется. Ну в самом деле, предел для осмотра – около четырех часов, после непременно следует передохнуть. Никита же, казалось, не ведал усталости и готов был вчитываться в таблички и разглядывать экспонаты еще по меньшей мере дня три. Ольга переглянулась с Женькой, который последний час уже не фотографировал втихаря, а просто бродил, и позвала:

– Ник! Ты есть не хочешь?

– Нет.

– А мы хотим.

– Молодцы.

Малиновский стоял, согнувшись вопросительным знаком, над очередной запрятанной под стекло записной книжкой и отвечал, кажется, автоматически.

– Никит, сколько ты тут еще намерен пробыть?

Он наконец оторвался от созерцания экспоната и выпрямился.

– Я же сказал – пока музей не закроется.

– Если честно, мы с Женькой уже одурели, – храбро сказала Ольга. – Я уважаю твою любовь к истории, но ты не обидишься, если мы тебя подождем где-нибудь снаружи?

– Да чего вы паритесь? – удивился Никита. – Берите машину и езжайте в Кан, а за мной возвращайтесь к семи.

– Ты серьезно?

– Конечно. Зачем я буду вас заставлять? – Он вытащил из кармана ключи и протянул Женьке. – В семь на парковке.

Когда они выходили из музея, Ольга сказала задумчиво:

– Жень, ты был прав. Люди меняются. Раньше он нас ни за что бы не отпустил, да еще и обиделся бы, что мы не желаем гулять с ним дальше.

– А я тебе что говорил? Это самое и говорил. – Женья забросил рюкзак в багажник и обошел машину, чтобы сесть за руль. – Уф! Благородство нашего товарища не знает границ. Я бы чего-нибудь пожрал, а ты?

– А где куртуазность? Мы во Франции.

– Мадемуазель, – хмыкнул Женька, – не соблаговолите ли вы отобедать со мною?

– Соблаговолю. Давай рули вон туда. И не гони, тут ограничение скорости.

3

– О, господи, я теряю голову в этом хаосе преступлений! Я предчувствую, что, если так будет продолжаться, – промолвила госпожа Буонасье, поднося ладони ко лбу, – я сойду с ума!

– А знаешь, это моя первая автомобильная поездка за границей, – задумчиво сказала Ольга, когда они с Женей уже шагали по улице Кана. – До сих пор только по России рулили.

– Ты же вроде ездила в Италию, – заметил Ильясов.

– С Машкой, ага. Но мы машину не брали, все на автобусах и поездках. А если я в Германию еду, то по делам. Ну, и надо, чтоб водитель был.

– Получила бы ты, Оля, права, – рассеянно произнес Женька, прицеливаясь объективом-«телевиком» в очередную симпатичную башенку. – И проблема бы отпала.

– Ага, рулить и не пить? – возмутилась Ольга.

– А ты у нас, значит, алкоголичка? С утра пьешь?

– С утра не с утра, – сказала Ольга, высматривая что-то в конце улицы, – а днем начну. Женька, пошли во-он туда. По указателям.

– Пить? – Ильясов оторвался от фотоаппарата и растерянно заморгал.

– Дурак. Замок в ту сторону. Пошли.

Кан был местом, где можно ощутить терпкое, как кальвадос, очарование Нормандии – причем Нормандии старой, той самой, что взбрыкнула да и пошла через пролив на англичан. Развалины замка одиннадцатого века, построенного Вильгельмом (или, как уточнил Женька, по-местному – Гийомом) Завоевателем, два аббатства – мужское и женское, основанные Матильдой, женой этого самого Вильгельма, – и цветущие сады, и каменные улицы, и веселые студенты, и туристы, туристы, туристы...

– Так вот они где все, – сказала Ольга, когда у входа в замок – громадную, отлично сохранившуюся средневековую крепость – они наткнулись на толпу.

– Это логично, – заметил рассудительный Женька, прицелился и «щелкнул» замковую башню. – Люди приехали сюда на шестое июня, а пока День Д⁵ не наступил, осматривают то же, что и мы.

– А хорошо, что мы сбежали из музея. – Ольга запрокинула голову, подставляя лицо ласковому солнышку. В вышине шли мелкие кучевые облачка и парили чайки. – Только жалко, что Никитка не увидит всей этой красоты.

– Ну, если ты хочешь затащить его в замок, то тут все открыто до десяти, – сообщил Женька, изучая расписание. – Только не думаю, что он сюда пойдет.

– Полагаешь, совсем заикнется на своих военных трофеях?

– Полагаю, что захочет ужинать.

– Пищевой туризм, – резюмировала Ольга. – Я так и думала. Почему за границей не получается не есть? Все диеты насмарку.

Женя окинул ее взглядом.

– Да ладно, зачем тебе диеты? Ты и так классно выглядишь.

– Ты это говоришь потому, что я блондинка.

– Если я называю тебя блондинкой, ты орешь, что светлая шатенка, а если надо оправдаться...

Ольга ткнула его кулаком в бок, и Женька засмеялся.

⁵ День Д (D-Day) – дата высадки союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 года, в рамках операции «Оверлорд». По сути – общепринятое американское военное обозначение для начала какой-либо военной операции.

Они наконец вошли в замок через ворота Сен-Пьер, и дальше можно было бродить, осматривать, наслаждаться, восхищаться и проделывать то, что обычно проделывает любознательный человек в подобных случаях. Только Ольга остро ощущала – чем дальше, тем сильнее, – что Никиты с ними нет. Черт побери, как быстро она привыкла, что их снова трое, что бывшая дружба на троих вернулась.

В школе их дразнили «три мушкетера», хотя Ольга за мальчишку не сошла бы при всем желании: она и в детстве любила наряжаться. Любила даже школьную форму, которая, впрочем, быстро сменилась вольным стилем – платьями и юбками, их с удовольствием покупала дочери мама. Однако все это не означало, что Оленька трепетала перед опасностью. Если мальчишка дергал ее за косичку, она бросала портфель на землю и, зло прищурившись и уперев кулачки в бока, говорила: «Щас врежу». И все знали: врежет. Она с Женькой подружилась, потому что едва не поколотила, когда он налетел на нее в коридоре. Женька был щуплый, хилый, носил очки и обожал читать; это увлечение – читать он не переставал даже на ходу – в буквальном смысле натолкнуло его на Ольгу. Услышав ее любимое «Щас врежу», Ильясов снял очки, сунул их в портфель и сказал:

– Да, Шульц, врежь, ты права. Я виноват. Извини.

Разумеется, драться они не стали, подружились, и через некоторое время Ольга стала общаться и с лучшим другом Жени – Никитой, и это было... Ну да, школьные годы чудесные...

Потом все изменилось, конечно. Хотя казалось, что не изменится.

На стене замка оказалось немногочисленно и дул ветер. Это был совсем не тот ветер, что внизу: здесь ощутимее, чем раньше, пахло свободой. Пахло, конечно, морем и водорослями, теплыми камнями, согретыми за день солнцем, и травой, и еще чем-то неуловимым, чему Ольга не знала названия. Она стояла, держась руками за камни, которые положила здесь чья-то рука много сотен лет назад – для того, чтобы не прошел враг, а не для того, чтобы какая-то Ольга Шульц однажды явилась сюда и прикоснулась. Город царапал небо шпилями церквей, Женька что-то говорил рядом – кажется, зачитывал абзац из захваченного с собой путеводителя, – но Ольга почти не слушала. Ей хватало просто стоять здесь. Стоять, смотреть и чувствовать.

– Ты что, устала? – спросил Ильясов.

– Не-а. Сколько времени, Жень?

– Половина шестого. Да ты не бойся, мы успеем.

– Я и не боюсь...

Женька помолчал немного, а потом произнес таким особенным голосом, который предвещает разговоры, в приличном обществе называемые серьезными:

– Оля, а можно я задам тебе личный вопрос?

– Ну давай, – согласилась она, сдвигая очки на макушку.

– Ты на меня не обижаешься, что я тебя в это втравил?

– Нет. Почему я должна?

– Ну... – Ильясов вздохнул, снял с плеча рюкзак и принялся запихивать туда камеру – видимо, чтобы руки занять и не смотреть на Ольгу. – Я, честно говоря, когда тебя просил, не думал, что ты согласишься. Вы же с ним ссорились, и серьезно. Да?

– Это все дела прошлые, Жень, – сказала Ольга беспечно. – Теперь мы просто друзья. Проехали и забыли... Давай спускаться, чтобы этот брошенный друг нас не заждался. А по дороге купим кофе, булок и еще какой-нибудь ерунды? Туризм туризмом, но нужно как-то дожить до ужина...

Но отправиться за Никитой в «Мемориал» сразу не вышло. Машина не завелась.

Ольга даже не поверила сначала, что в первый же день, призванный быть самым волшебным и принести уйму благостных впечатлений, – так вот, в этот долгожданный первый день на голову упадет столько неприятностей.

То Никита нервный. То сумочку свистнуть хотят. То вот, пожалуйста, машина.

– Ничего не понимаю, – пробормотал Женька, раз за разом поворачивая ключ. «Пассат» не реагировал.

– Это ведь прокатная машина, так? – сказала Ольга. – Она не должна ломаться в тот же день, как мы ее арендовали?

– Она вообще не должна ломаться. Не понимаю, в чем дело.

Ольга посмотрела на часы: было начало седьмого.

– Я позвоню Никите.

Малиновский трубку не брал – то ли отключил звук и теперь не слышал звонка, то ли принципиально.

– Жень, что делать будем?

– Выходов у нас несколько... – спокойно проговорил Ильясов, и Ольга порадовалась его самообладанию. Насколько приятно ощущать себя словно бы за стеной – за мужчиной.

Пусть Женька с виду не так хорош, как Малиновский, – нет размаха плеч и внушительного роста, – зато он жилистый, крепкий, и характер у него прекрасный. Сильный характер.

– Первый вариант, – продолжал меж тем Ильясов, – это сидеть здесь и громко плакать. Неконструктивно. Второй – самому полезть под капот и там покопаться. Этого я не умею. Третий – выйти и попытаться что-нибудь еще сделать. Французы почти все водят машины, потому, надеюсь, нам подскажут, как поступить. Посиди-ка здесь.

И, не дожидаясь ответа, Женька выбрался из салона и направился к только что подъехавшему на стоянку автомобилю – какому-то семейному варианту «Пежо». Ольга видела, как Ильясов заговорил с водителем, но о чем они беседуют – не слышала, да и не поняла бы. Француз что-то экспрессивно объяснял, размахивая руками и указывая куда-то. Видимо, жестикация – это национальное. Хуже только итальянцы.

Женька возвратился через несколько минут, но в машину садиться не стал, заговорил с Ольгой через открытое окно у водительского места.

– Нужно искать гараж – так у них, похоже, называется авторемонтная мастерская. Мне рассказали, где ближайший, это неподалеку. Я схожу и приведу механика. Подождешь тут.

– Ага. Я пока Малиновскому дозвонюсь.

Женьки не было минут пятнадцать; за это время Ольга успела позвонить Никите ровно семнадцать раз, но ответа так и не дождалась. Точно, отключил звук и не увидит, что ему звонили, пока не выйдет из музея. Сам виноват. Подождет. Ольга не хотела признаваться себе, но ее радовала эта маленькая месть за проявленную ранее Никитой грубость.

От размышлений Ольгу отвлек возвратившийся Ильясов – причем возвратившийся не пешком. Женька выпрыгнул из подъехавшего грузовичка, что-то сказал его водителю, и тот с хмуро-деловитым видом принялся разматывать трос.

– Вот так. – Ильясов сел на водительское место и от души стукнул дверью непокорного «Пассата». Попробовал завестись еще раз, но не преуспел. – Сейчас Филипп отвезет нас в гараж, и там механики посмотрят, что случилось. Нику дозвонилась?

– Не-а, трубку не берет.

– Не потеряется.

– А говорят, немецкие машины надежные, – вздохнула Ольга. – Может, так случилось потому, что она прокатная?

– Не знаю. Вот ребята посмотрят и объяснят, а я тебе расскажу, что случилось. Если пойму, конечно. – Женька пятерней взьерошил короткие светлые волосы. – Они так изъясняются, что я половины не улавливаю.

– Зато вторую половину улавливаешь, – утешила его Ольга. – Механика вот привел. Я бы точно сидела и плакала, я и трех слов не знаю...

– Три-то знаешь, – развеселился Женька. – «Гарсон», «мерси» и «пардон».

– Ага. И еще: «Нужны Парижу деньги, се ля ви!»

– Пуркуа па, пуркуа па, почему бы нет?

Грузовичок отволоч несчастный «Пассат» на соседнюю улицу, где действительно располагалась авторемонтная мастерская – гараж, как ее называли французы. Водитель грузовичка тут же полез под капот, а остальные механики, никаким другим делом, по всей видимости, не занятые, столпились вокруг и, судя по всему, начали давать советы. Французская техническая ругань звучала так восхитительно, что Ольга не выдержала, вылезла из машины, состроила глазки ближайшему молоденькому механику и выдала единственную имеющуюся в арсенале фразу:

– Bonjour, ça va?⁶

Парень слегка обалдел от такой лингвистической атаки и, широко улыбаясь, затрещал что-то в ответ. Ольга улыбалась в ответ и важно кивала, гадая, не рассказывает ли ей сейчас этот прекрасный француз о принципе починки немецких машин в отдельно взятом нормандском городе. Или же это комплименты? Второе приятнее, чем пространная речь об аккумуляторе.

В аккумуляторе, кстати, и оказалась проблема. Чудесный механик поколдовал над ним, и машина – вот те на! – завелась.

– И что это было? – спросила Ольга у Женьки. Тот отмахнулся – дескать, позже объясню, – и продолжил разговаривать с механиком, кажется, переспрашивая. Автоангел хмурился и что-то втолковывал Женьке.

Тут-то и позвонил Малиновский.

– Заблудились?

– Обижаешь, начальник, – сказала Ольга. – У нас машина сломалась, а я тебе уже позвонила пятьсот раз.

– Я только из музея вышел. Как – сломалась?

– Не заводилась. Но уже починили.

– Раз починили, езжайте сюда.

– Эгоист ты, Никита. Мог бы и посочувствовать.

– Я сочувствую, но у меня ноги отвалятся.

– Сам виноват, – уведомила его Ольга. – Сейчас приедем.

С механиками прощались долго, задушевно, с целованием ручек даме и тихим расчетом за починку. Наконец Женька сел за руль, Ольга загрузилась на штурманское место, и отчалили.

– В чем была проблема?

– Ты знаешь, я не совсем понял... – Женька хмурился. – Но выходит, будто мы сегодня просто всю преступность приманили. Некоторые машинные воры так действуют – что-то творят с аккумулятором, а потом, пока машина обездвижена, грабят. Чемоданы вытаскивают из багажника... Обычно такие воры сами на машинах, и нужно, чтобы ограбленные туристы не могли организовать погоню.

– А наши-то чемоданы на месте? – перепугалась Ольга.

⁶ Здравствуйте, как дела? (фр.)

– Все в порядке, я посмотрел, пока ты кокетничала, – засмеялся Женька. – На месте. Мы довольно быстро с тобой вернулись, времени не хватило.

– И теперь нужно заявлять в полицию?

– Нет. Как их искать-то? Ничего не пропало, так и рассказывать не о чем.

– Все как у нас, – вздохнула Ольга. – Вас убьют – вот тогда и приходите... Давай, Женька, побыстрее поедem. Малиновский там на стоянке торчит, голодный, уставший и злой.

Никита выгнал Ильясова с водительского сиденья, выслушал короткий отчет об обнаглевшей французской мафии, сел за руль и в два счета довез всех до гостиницы. Отели подбирала Ольга, руководствуясь Никитиными грандиозными планами по осмотру военных реликвий, а также подозрением, что в знаменательные дни высадки в самом городе будет не протолкнуться. Поэтому выбранный ею отель «Auberge de la Mue» – здание позапрошлого века, чью историческую ценность как-то умудрялись не нарушать евроремонтом, – располагался в десяти минутах езды от Кана и пляжей. Однако и в нем было полно народу. В вестибюле целая толпа американцев осаждала стойку, и пришлось подождать. Наконец выдали ключи от комнат: мужчины жили в двухместном номере, Ольга тоже, но в одиночестве.

– Поужинаем здесь или поедem в Кан? – спросила она уже в коридоре второго этажа.

– В Кан, – немедля откликнулся Женька. – Вечерний город, красота...

– Ему кадров не хватает, – с усмешкой объяснила Ольга Никите. – Фотографы очень жадные. Тогда обратно ты за рулем, Женечка.

– Да без проблем.

– А если снова мафия?

– Бомба два раза в одну воронку не падает, – сообщил Никита.

– Ну, тебе, Малиновский, верить можно...

Перспектива хорошо провести вечером время заставила всех поторопиться. Через полчаса после заселения все трое уже спускались в холл, причем Ольга не упустила возможности выгулять купленное в Москве платье – какая женщина такую возможность упустит?

В Кане к вечеру народу еще прибавилось, и отыскать свободный столик в ресторане оказалось довольно большой проблемой. Однако через некоторое время нашлось приятное заведение в квартале Вогё, с полосатыми скатертями, фонариками на веранде и меню, похожим на первое издание Библии – по толщине. Женька, прочитавший путеводитель от корки до корки, начал уговаривать приятелей попробовать «трип».

– «Трип» – это по-английски «путешествие», – сказала Ольга.

– «Трип» – это потроха, – разочаровал ее Ильясов. – Из желудков жвачных животных.

– Фу, – Ольга улыбнулась официанту, кудрявому молодому человеку, поджидавшему у столика, и ткнула пальцем в какую-то там говядину: – Мне вот это, пожалуйста. Bitte⁷. Ой...

Но официант все понял, собрал заказы и удалился, оставив одну папку меню на столе. Ольга изучала список, страдая, не промахнулась ли с выбором.

– А это что?

– Это свинина. – Женька терпеливо переводил. – Со сметаной. Они тут любят во все добавлять сметану, прямо как на Украине. Могут еще и сидра налить.

– В мясо?

– Угу. И камамбер еще любят. Я, кстати, заказал, попробуешь.

– А это?

– Оль, ты уже в десерты залезла. Это яблочный пирог.

– Влезет или не влезет?

– Закажи да проверь.

⁷ Пожалуйста (нем.).

Никита подтянул к себе пепельницу и закурил; вид у него был задумчивый, расслабленный и, пожалуй, довольный.

– А мы с Женькой полгорода обошли, – поведала Ольга Малиновскому. – Жалко, что ты с нами не ходил. Тут красиво.

– Да я читал, – рассеянно сказал Никита; дым от его сигареты медленно дрейфовал над столом, как утренний туман над полем. – Я об этой местности много читал.

– Военной литературы, – подсказал Женька.

– Нет, почему. Вы ведь помните папину библиотеку.

Ольга с Женей истово покивали: помнят. Никита иногда в шутку приговаривал, что в родительской квартире живет библиотека, которая милостиво позволяет тете Тане и дяде Лёве обитать в непосредственной близости от себя.

– У него масса интересных книг по истории Франции, в частности этого региона. Тут же сплошная романтика была в Средние века. Весь город на любви построен.

– Это как? – заинтересовалась Ольга.

– Вильгельм Завоеватель, – объяснил Ник, – хотел жениться на Матильде Фландрской, своей кузине. А Папа Римский был против – кузина же, и политика там оказалась замешана... Вильгельм влюбился страстно, сказал – женюсь, и все. Поехал за ней в Брюгге. Матильда сначала его признавать не хотела, бастард какой-то, фи, но он ей страстно объяснялся в любви. Уболтал, чертяка языкастый, и увез сюда, в Кан. Папа, конечно, в шоке. Только эта парочка объявила: мы в Кане живем, тут у нас столица, и во славу Господа мы поставим два монастыря, мужской и женский. Поставили, сами видите, денег в строительство вложили немерено. Папа их простил за эту недвижимость... А Матильда в своего мачо влюбилась. Забавная была парочка: он здоровенный, как лось, а она – метр тридцать, что ли. – Никита махнул рукой. – Хорошо, что монастыри и замок уцелели во время бомбежек. От фахверка тут один дом только остался, а до войны так красиво было – целые улицы... За Кан во время прорыва долго сражались, шесть дней. Сами понимаете, что с ним сделали.

Про войну говорить Ольге сегодня больше не хотелось.

– Любовь, – протянула она, подперев подбородок кулачком. – Из Брюгге привез. Красиво!

– Так вот, если бы Матильда и Вильгельм не построили эти монастыри, то мы сейчас не ели бы потроха, – закончил Никита, – потому что, по легенде, изобрел это блюдо монах из здешнего мужского монастыря.

Ильясов уважительно покачал головой, признавая, что Никита подкован не только в военной истории этих мест, а Ольга добавила:

– Как причудливо тасуется колода...

...А когда принесли десерт – яблочный пирог, настоящее произведение искусства, – яблочные дольки разложены на слоеном тесте, – дневные неприятности в виде двух попыток ограбления как-то позабылись. Все-таки, подумала Ольга, человек – животное жвачное.

4

– Так, значит, этот чемодан пуст? – бесхитростно спросил Портос.

– Ну конечно же, пуст, – так же бесхитростно ответила прокурорша.

– Дорогая моя, да ведь мне-то необходим чемодан со всем содержимым! – вскричал Портос.

Утром из гостиницы они выписывались рано. Следующий отель находился в Шербуре, и так как Никита собирался осмотреть все пляжи, на которых проходила высадка 6 июня, следовало поторопиться. Только ранним подъемом, половиной чашки кофе за завтраком и всеобщей рассеянностью можно объяснить то, что вся троица прошаляпила одно небольшое обстоятельство, грозившее доставить им неприятности в дальнейшем.

Однако обнаружилось это не сразу.

Сначала был день – длинный, очень длинный день, наполненный людьми, историей и солнцем. Старые, заросшие травой провалы на обрывах – остатки пулеметных и оружейных гнезд, укреплений Атлантического вала⁸. Широкие пляжи, давным-давно свободные от противотанковых заграждений. Приехавшие с разных концов Земли люди молча стояли, словно несли вахту. В основном это были американцы, канадцы и англичане – потомки участников высадки и просто сочувствующие; и, конечно, местные, которые весьма уважали свою историю; и немцы были – с тех давних пор к их погибшим здесь стали относиться гораздо уважительнее. Ольга заметила даже группу поляков, и Никита объяснил, что в составе союзных войск имелся польский батальон. Было американское кладбище в Коллевиле, недалеко от пляжа Омаха, – длинные ряды белоснежных крестов уходят вдаль, создавая иллюзию, словно тебя поставили между двух зеркал. Сегодня его завалили цветами. Было немецкое кладбище в Ле Камбэ – группки потемневших от времени низких крестов, утопленные в зеленых лужайках каменные плитки с именами и датами. Странное, тревожное кладбище, по дороге к которому поля были оккупированы молодыми кленами, подстриженными в форме шаров, – так называемыми «садами мира». Эти деревья здесь посадили немцы. Было множество военных машин, в основном американских джипов, сохранившихся с тех времен, – местные клубы занимались их реставрацией и поддержанием в рабочем состоянии. То и дело приходилось притормаживать или съезжать на обочину, пропуская колонны. Многие люди носили союзную форму; Никита объяснил, что это участники клубов исторической реконструкции и просто сочувствующие. И все эти впечатления смешивались, оставляя в душе необычное сочетание радости оттого, что победа осталась за «нашими», горечи, что так много погибло людей, и... простора. Простора этих больших кладбищ, полей, за каждую пядь которых шли ожесточенные бои, и пляжей, на которые раз за разом набегали волны – и отступали. Как было и в тот день, 6 июня 1944 года, когда к берегу подошли союзные суда, а с самолетов сбросили парашютистов, многие из которых погибли в болотах Карантана...

К вечеру похолодало, и на очередной остановке около заправки Ольга решила залезть в чемодан, чтобы достать оттуда легкую куртку. Чемодан она открыла, а затем задумчиво посмотрела на то, что лежало рядом с ним. Подумала, поморщила лоб, но так ни до чего и не додумалась, а потому решила спросить:

– Ребята, это ваш чемоданчик в багажнике?

⁸ Атлантический вал – система немецких укреплений более 5000 км длиной вдоль европейского побережья Атлантики от границы с Испанией до Норвегии и Дании, построенная с целью предотвращения вторжения союзников на континент. Как известно – не помогло.

– Чемоданчик? – рассеянно переспросил Женька, который как раз был занят ответственным делом – менял на фотоаппарате объектив. – Нет, не мой. У меня сумка и рюкзак.

– И не мой, – сказал Никита.

– А у меня большой чемодан, – закончила Ольга. – Значит, если он не мой и не ваш, то у меня для вас новость: у нас в багажнике чужой кейс.

Мужчины уставились на нее – Никита ехидно, а Женька недоумевающе.

– С миллионом долларов? – радостно спросил Малиновский.

– Я не знаю, – сказала Ольга, начиная раздражаться. – Просто он там лежит. Сами посмотрите. Вдруг в нем не доллары, а бомба.

Закаленные московскими терактами мужчины синхронно двинулись к багажнику, а Ольга отошла подальше и наблюдала за ними издалека.

– Не, вряд ли бомба, – заметил Женька, – слишком он плоский.

Чемоданчик и правда был невелик: с такими обычно ходят в офис служащие невысокого ранга. Черная кожа казалась довольно потертой, застежки потускнели. Чужой багаж мирно торчал между вещами, и непонятно было, как он здесь оказался.

– Может, позвать местную полицию? – спросила Ольга, вытягивая шею, словно любопытный журавль.

– Сами разберемся. – Никита взял чемоданчик и вытащил его из багажника. Вокруг никого не было, заправка лежала в стороне – Малиновский остановил машину, чтобы схватить за сигаретами. – Тут явно ни долларов, ни тротила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.